

Алексей Будищев

Мишенька Разуваев

Алексей Будищев
Мишенька Разуваев

«Public Domain»

1897

Будищев А. Н.

Мишенька Разуваев / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1897

«Мишенька Разуваев, юноша лет двадцати двух, коренастый и сутуловатый, вернулся из поля в усадьбу сильно встревоженный и даже слегка побледневший. Он передал лошадь конюху и поспешно направился к дому, с выражением беспокойства в серых глазах, нервно пощипывая крошечную светлую бородку, походившую на цыплячий пух. У крыльца он увидел молодую солдатку Груню, здоровую и краснощекую, прислуживавшую у них в доме...»

Алексей Будищев Мишенька Разуваев

Мишенька Разуваев, юноша лет двадцати двух, коренастый и сутуловатый, вернулся из поля в усадьбу сильно встревоженный и даже слегка побледневший. Он передал лошадь конюху и поспешно направился к дому, с выражением беспокойства в серых глазах, нервно пощипывая крошечную светлую бородку, походившую на цыплячий пух. У крыльца он увидел молодую солдатку Груню, здоровую и краснощекую, прислуживавшую у них в доме.

– Тятенька дома? – спросил он ее.

Та кокетливо вильнула глазами.

– Нет, они в поле уехамши, – проговорила она, с трудом шевеля губами, сплошь облепленными кожурой подсолнуха.

Мишенька, казалось, встревожился еще более.

– В поле? Ах ты, Господи! А ты не знаешь, куда именно?

Груня достала из кармана свежую горсть подсолнухов.

– Не знаю, Михал Семеныч. Варвара Семеновна грит – кто его знает где!

Мишенька прошел домом в комнату сестры, но Варюши там не было. Тогда он снова, беспокойно хмурясь, вышел из дому и отправился в сад. В саду был полусумрак, хотя солнце еще не закатилось; по небу непрерывно бежали тучи, и осенний день точно недовольно хмурился. Желтые, бурые и ярко-красные листья осыпались с деревьев на дорожки, как хлопья какого-то разноцветного снега. Дул ветер; было свежо.

Мишенька пошел липовой аллеей и позвал, повышая голос:

– Варя, Варюша!

Он прислушался. Из-за кустов еще совершенно зеленой, будто моложавившейся сирени послышалось – Это ты, Миша?

Послышался шелест платья, и к Мишеньке вышла молодая девушка, белокурая и полная, с хорошими карими глазами.

– Тятенька в поле? – спросил Мишенька сестру. – Не знаешь, где именно?

Девушка ласково смотрела на брата.

– Нет, не знаю; а что?

Мишенька заговорил, беспокойно хмуря брови:

– Да я боюсь, не поехал ли он к «Рубежному овражку». Видишь ли, с мужиками опять несчастье – лошадей своих на наши озими запустили. Да! Еду я и вижу весь их табун на нашем поле, а пастуха нет, пастух Бог его знает где! Я сейчас в Безотрадное поскакал, так и так, мужикам говорю, сгоните лошадей, поколь тятенька не видит, а то опять скандалы из-за штрафов пойдут. – Мишенька на минуту замолчал. Варюша внимательно слушала брата.

– А теперь я боюсь, – продолжал тот, – тятенька в поле, так уж не ехал ли он за мной следом в качестве господина Лекока. Он частенько таким манером меня проверяет. А если он мужицких лошадей видел, так у нас опять скандалы из-за штрафа пойдут. Ах ты, Господи!

Мишенька вздохнул.

– Может быть, дяденька Геронтий знает, куда тятенька поехал? Как ты думаешь? А?

Та шевельнула плечами.

– Может быть, знает.

Мишенька, вздыхая, торопливо направился к дому. Он обогнул дом и коридорчиком прошел к боковой комнате – «боковушке», как ее называли, где помещался дяденька Геронтий.

В боковушке было до одурения накурено махоркой. Геронтий Иванович по своему обыкновению ходил из угла в угол по комнате в неопрятной распоясанной рубахе, нанковых шароварах и войлочных туфлях. Его худая и маленькая фигурка с ввалившимися щеками и жидкой

бороденкой маячила от угла до угла с таким покорным видом, словно его водили на поводу. Он ходил по комнате, жестикулировал и что-то бормотал. Когда-то он был богат, но, спустив отцовское наследство, долго скитался по балаганам артистом на роли злодеев, вследствие чего он и приобрел привычку постоянно декламировать и пить водку. Теперь он жил на иждивении своего брата Семена Иваныча, от которого получал на табак по три рубля ежемесячно. При входе Мишеньки Геронтий Иваныч наклонился, достал из-под неопрятной кровати початую бутылку водки и, отпив прямо из горлышка, снова заходил, шлепая туфлями, жестикулируя, декламируя и не обращая на племянника никакого внимания.

– Душа моя горячей крови просит, как разъярённый зверь! Не потерплю обиды... – сипло вытягивал он из себя.

Мишенька покачал головой.

– Ах, дяденька, дяденька.

Он тронул его за рукав.

– Дяденька, вы не видели, куда тятенька уехал?

Геронтий Иванович перестал жестикулировать.

– Нет, а что?

В его глазах на минуту мелькнуло что-то в роде смысла.

– Так, дяденька. Вам можно сказать по секрету?

– Говори, гонец; я слушаю и в сердце мшенье затаю пока...

Геронтий Иваныч сел на стул с сломанной спинкой.

– С безотрадных мужиками несчастье случилось, – начал Мишенька, присаживаясь на кровать, накрытую грязным халатом, и рассказал дяденьке всю историю о крестьянских лошадях.

Геронтий Иваныч расхохотался, забрызгал слюнями и закашлялся.

– О, отпрыск разуваевский, не узнаю тебя в твоих поступках!

Мишенька встал с кровати с досадой и болью на лице.

– Не смейтесь, дяденька, ей Богу мне не до смеху.

Дяденька переменил тон.

– Верю, товарищ! Дай руку мне! Твой тятенька подлец первостатейный! Он три рубля мне в месяц платит на водку, на табак и на одежду, как будто бы артист не может все три рубля в единый миг пропить!

Геронтий Иваныч затряс головой, закашлялся, засмеялся и добавил:

– А я, Мишенька, именно сегодня жалованье-то получил.

Дверь боковушки скрипнула. На пороге показалась Груня; она брякнула бусами, как лошадь сбруей, и сказала:

– Пожалте, Михал Семеныч, вас к себе Семен Иваныч требуют.

Мишенька порывисто поднялся на ноги и побледнел.

– Он сердит? – спросил он тревожно.

– Да как быдто бы не в себе. Они, слышь, безотрадных лошадей с озимей загнали.

Мишенька вздохнул, почесал затылок, чмокнул губами и вышел из боковушки. В коридорчике его нагнала мать, худенькая и тоненькая старушка в темном платье, Пелагея Степановна.

– Мишенька, – подошла она к сыну, – тебя сам зовет, только ты, голубочек, поласковее будь. А? Будь, родненький, поласковее!

Мишенька сокрушенно махнул рукой.

– Ах, маменька, точно я виноват в чем; тятенька сам не знай чего наделает, а потом мне же достается. Препоручил мне хозяйство, а сам во все вмешивается и шпионит за мной!

Пелагея Степановна замахала руками.

– Тише, родненький, иди с Богом, а я тебе пойду, лепешек со сметанкой поджарю; може, с чайком покушаешь, как от самого вернешься? Покушаешь, родненький?

Мишенька махнул рукою.

– Какой тут чай!

Он вошел в кабинет к отцу. Отец-Разуваев сидел за столом и щелкал на счетах.

– 152 головы в округе, ну, хоть по рублю двадцати, итого 182 рубля 40 копеек, – говорил он, сводя итог.

При входе сына отец приподнял голову. Это был крепкий старик в длиннополом сюртуке и сапогах бутылками, с строгим лицом и длинною бородой. Он насмешливо кивнул седою головой.

– Покорно вас благодарим, сыночек; ловко вы наши антиресы блюдете. Мерси вам большое!

Глаза старика язвительно сверкнули.

– Еду я полем, – продолжал он, – и вижу: весь безотрадинский табун на наших озимях нагуливается. Ловко вы, сыночек, дела обдeldываете! С таким сыночком и по миру как раз пойдешь! По миру с сумою под ручку с нуждою! – воскликнул он насмешливо.

Старик глядел на сына пристально и сурово, и сыну казались глаза отца похожими на костяшки счет.

Мишенька, потупив глаза, молча стоял у притолоки, но при последних словах отца он вспыхнул.

– Не говорите, тятенька, зрятины, – выговорил он, – со мной вы по миру не пойдете. Вон Гриша Колотиллов с цыганками в один присест по тысячи монет прохвачивает, а я даже не знаю, каким настоящие цыганки и мылом-то умываются! А вы, вы не с того конца на дело глядите.

Старик шевельнулся, но Мишенька продолжал, бледнея.

– Я, тятенька, на себя гроша медного не трачу, и если не загнал безотрадинских лошадей, так только потому, что мужиков пожалел! Да-с, пожалел! И я думал, что хозяйничать, тятенька, тоже с крестом на шее надо. Деньгу, тятенька, не из мужика, а из земли вышибать надо, а из мужика по нынешним временам много не вышибешь. Да-с, не вышибешь! 180 целковых нас, тятенька, не обогатят, а с мужиков последнюю шкуру драть довольно совестно! И даже стыдно, если хотите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.